
Мэри
Вейран
Развод
отменяется
18+
18+
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мэри Вейран
Развод отменяется

https://litres.ru/74722819
SelfPub; 2026

Аннотация

В день пятой годовщины свадьбы я сообщила мужу, что хочу развестись.

Артём Волков привык получать всё, чего хочет. Успешный бизнес, дорогие машины, идеальная жена. Только вот жену он давно перестал замечать.

Я устала ждать его по вечерам, засыпать в пустой постели и выпрашивать внимание человека, который когда-то обещал любить меня вечно.

Теперь я ухожу.

Но у судьбы отвратительное чувство юмора. Нам предстоит три месяца работать вместе над одним проектом. И изображать счастливую семейную пару.

Мой холодный, вечно занятый муж вдруг вспоминает, как соблазнять собственную жену. Он ревнует, провоцирует и смотрит на меня так, что я забываю, зачем вообще подала на развод.

Есть только одна проблема.

Я всё ещё хочу его.

Но больше не верю ему.

И если Артём Волков решил вернуть жену, на этот раз одних красивых обещаний будет недостаточно.

Содержание

Глава 1. Завтрак с заявлением о разводе 5
Глава 2. Пустая половина кровати 26
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Мэри Вейран
Развод отменяется

Глава 1. Завтрак с заявлением о разводе

В день нашей пятой годовщины свадьбы муж подарил мне развод.

Правда, он пока об этом не знал.

Артём сидел напротив, пил чёрный кофе и изучал что-то в телефоне с таким выражением лица, словно от содержимого экрана зависела судьба человечества. Возможно, так и было. В его мире судьбы человечества решались ежедневно. Обычно между девятью утра и десятью вечера, с небольшим перерывом на обед, который он тоже проводил за работой.

Я поставила перед ним тарелку с омлетом.

— Нам нужно поговорить.

— Угу.

— Артём.

— Секунду, Марин.

Я посмотрела на часы.

Восемь сорок три.

Пять лет назад в это время я сидела в гостиничном номере, а Софья пыталась приколоть мне фату. У неё дрожали руки, у меня дрожали колени, и мы обе смеялись так громко, что визажист пригрозила уйти.

Артём тогда прислал сообщение:

«Если передумаешь, я тебя всё равно найду».

Я ответила:

«Попробуй».

Он приехал на сорок минут раньше, поднялся в номер вопреки всем свадебным традициям и сказал, что не собирается ждать до церемонии, чтобы увидеть свою будущую жену.

Восемь сорок четыре.

— Я хочу развестись.

— Угу. Сейчас, только...

Он замолчал.

Медленно поднял голову.

— Что?

Я села напротив.

— Я хочу развестись, Артём.

Он посмотрел на меня, потом на тарелку, потом снова на меня.

— Это какая-то шутка?

— Нет.

— Марина.

Он произнёс моё имя тем особенным тоном, которым

обычно разговаривал с подрядчиками, внезапно сообщившими о срыве сроков.

Я когда-то находила этот тон сексуальным.

У каждого человека есть постыдные страницы биографии.

— Что произошло? — спросил он.

Я едва не рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

Просто иногда человеческая способность не замечать очевидного достигает такого совершенства, что хочется аплодировать стоя.

— Ничего.

— Тогда я не понимаю.

— Именно.

Он положил телефон экраном вниз.

Впервые за утро я удостоилась его полного внимания.

Пять лет брака. Два года одиночества. И всего четыре слова, чтобы он наконец посмотрел на меня.

Впечатляющая эффективность.

— Давай по порядку, — сказал Артём. — Ты хочешь развестись?

— Да.

— Со мной?

Я приподняла бровь.

— Нет, с нашим холодильником. Он хотя бы иногда со мной разговаривает.

Артём не улыбнулся.

Его лицо стало неподвижным.

— Ты серьёзно.

— Абсолютно.

Он откинулся на спинку стула.

На нём была белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Рукава закатаны до локтей. На запястье часы, которые стоили как моя первая машина.

Когда-то я любила наблюдать, как он собирается по утрам.

Любила широкие плечи, чуть растрёпанные после душа волосы, сосредоточенное выражение лица. Любила, когда он проходил мимо и машинально целовал меня в макушку.

Особенно любила те редкие утра, когда он решал, что работа подождёт.

Последнее такое утро было...

Я попыталась вспомнить.

Не смогла.

— У нас проблемы? — спросил Артём.

Я посмотрела на него.

— Нет. У нас прекрасный брак. Просто я решила разнообразить семейную жизнь судебным процессом.

— Марина, прекрати.

— Что именно?

— Разговаривать со мной так.

— А как мне с тобой разговаривать?

— Нормально.

Я медленно выдохнула.

Вот оно.

Наше любимое слово.

Нормально.

Нормально, что он работает по выходным.

Нормально, что мы отменяем отпуск.

Нормально, что на мой день рождения он присылает цветы с курьером, потому что сам застрял на переговорах.

Нормально, что я засыпаю одна.

Нормально, что просыпаюсь тоже одна.

И совершенно ненормально, если однажды мне всё это надоедает.

— Хорошо, — сказала я. — Давай нормально. Я больше не хочу быть твоей женой.

Он провёл ладонью по лицу.

— Мы можем обсудить это вечером?

Я закрыла глаза.

Раз.

Два.

Три.

— Конечно, Артём.

Он заметно расслабился.

— Отлично. У меня сегодня...

— Давай через неделю. Или через месяц. Или когда у тебя появится свободное окно между покупкой очередного участка и спасением мировой экономики.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я заканчиваю.

Он снова посмотрел на меня.

На этот раз внимательно.

— Что это значит?

— Это значит, что я уже приняла решение.

— Такие решения не принимают за завтраком.

— Ты прав. Я принимала его почти год.

В кухне стало тихо.

За панорамными окнами медленно просыпался город. Где-то внизу сигналили машины. На столешнице негромко гудела кофемашина.

Артём смотрел на меня так, словно я внезапно заговорила на незнакомом языке.

— Год? — переспросил он.

— Примерно.

— И ты ничего не сказала?

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее и неприятное.

— Я говорила.

— Когда?

— В феврале, когда просила тебя пойти со мной к семейному психологу.

Он нахмурился.

— Я согласился.

— Ты отменил три встречи.

— У меня были объективные причины.

— Конечно.

— Марина...

— В апреле, когда я сказала, что больше не могу жить по твоему расписанию.

— Мы тогда поговорили.

— Ты сказал, что летом станет легче.

— И стало.

— Тебе.

Он сжал челюсть.

— Это несправедливо.

— Возможно.

Я посмотрела на свой кофе.

Он давно остыл.

— В июле я просила тебя взять отпуск. Хотя бы на четыре дня. Помнишь?

— У нас закрывалась сделка.

— Помню.

— Ты прекрасно знаешь, насколько она была важна.

— Знаю.

— Тогда почему мы снова это обсуждаем?

Я подняла глаза.

— Потому что ты помнишь сделку, Артём. А я помню, как четыре дня просидела одна в гостинице у моря.

Он отвёл взгляд.

Впервые за весь разговор ему нечего было сказать.

Я почему-то не почувствовала удовлетворения.

Раньше я представляла этот момент иначе.

Думала, что он наконец поймёт. Что увидит, сколько всего накопилось между нами. Может быть, даже обнимет меня и скажет что-нибудь простое.

Прости. Я был идиотом. Давай попробуем всё исправить.

Но Артём никогда не любил простых слов.

Ему нужны были решения.

Планы.

Сроки.

Ответственные лица.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Допустим, я действительно уделял тебе недостаточно внимания. Это можно исправить.

Я почувствовала усталость.

— Не всё можно исправить.

— Почему?

— Потому что я больше не хочу просить.

Он нахмурился.

— О чём?

Я посмотрела на него почти с нежностью.

Боже.

Он действительно не понимал.

— О том, чтобы ты хотел проводить со мной время.

Артём молчал.

Я встала и отнесла чашку к раковине.

В отражении тёмного стекла увидела женщину в домаш-

нем платье, с собранными в небрежный пучок волосами.

Ничего особенного.

Не героиня трагедии.

Не брошенная жена.

Просто женщина, которой однажды надоело чувствовать себя одинокой рядом с человеком, которого она любила.

— Кстати, — сказала я, не оборачиваясь. — Сегодня пятое марта.

— Я знаю, какое сегодня число.

— Правда?

— Марина, что за вопрос?

Я повернулась.

Он смотрел на меня раздражённо.

Я ждала.

Секунду.

Другую.

И увидела, как меняется его лицо.

Сначала недоумение.

Потом осознание.

Потом что-то похожее на ужас.

— Чёрт.

Я улыбнулась.

— С годовщиной, любимый.

Артём не из тех мужчин, которые умеют красиво извиняться.

Он умеет красиво покупать.

Квартиры.

Машины.

Украшения.

Однажды, после особенно тяжёлой ссоры, он подарил мне часы с бриллиантами. Я тогда сказала, что предпочла бы провести с ним вечер.

Он ответил, что обязательно найдёт время.

Часы до сих пор лежали в коробке.

Время так и не нашлось.

— Я помнил, — сказал он.

— Конечно.

— Я действительно помнил. Просто последние несколько дней...

— Были сложными.

Он посмотрел на меня.

— Ты можешь хотя бы дать мне договорить?

Я скрестила руки на груди.

— Пожалуйста.

— У нас проблемы с подрядчиком. Вчера сорвалась встреча с инвесторами. Я почти не спал.

— Я заметила.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто я специально решил тебя обидеть?

Потому что намерение не отменяет последствия.

Я могла бы сказать это вслух.

Могла бы снова объяснить, что дело не в одной годовщи-

не.

Но я объясняла уже столько раз, что собственные слова начали казаться мне бессмысленными.

— Я не думаю, что ты хотел меня обидеть, — сказала я. — В этом и проблема.

Он резко выдохнул.

— Что ты хочешь от меня услышать?

Я задумалась.

Ещё вчера ответ был бы длинным.

Я хотела услышать, что он скучает.

Что ему меня не хватает.

Что он помнит, как мы когда-то могли разговаривать до утра, ссориться из-за глупостей и мириться так, что соседи стучали по батареям.

Я хотела услышать, что он тоже замечает пустоту между нами.

Сегодня я не хотела ничего.

— Не знаю, — ответила честно.

Его лицо стало жёстче.

— То есть ты предлагаешь разрушить пять лет брака и даже не можешь объяснить, чего добиваешься?

— Я не пытаюсь ничего добиться.

— Тогда зачем всё это?

— Чтобы уйти.

Он встал.

Мой муж был высоким мужчиной. Когда Артём сердился,

он редко повышал голос. Просто выпрямлялся, становился неподвижным, и окружающие начинали говорить тише.

На меня этот трюк когда-то действовал.

Сегодня — нет.

Ну, почти.

— Я не собираюсь обсуждать развод на эмоциях, — сказал он.

— А я не собираюсь ждать, пока ты сочтёшь мои эмоции достаточно обоснованными.

— Ты ведёшь себя импульсивно.

Я рассмеялась.

Коротко.

Безрадостно.

— Импульсивно? Артём, я полгода консультировалась с юристом. У меня готовы документы. Я сняла квартиру.

Он замер.

— Что?

Вот теперь мы добрались до действительно важной части.

— Я сняла квартиру, — повторила я.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Где?

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Для тебя теперь всё будет иметь значение, да?

Он шагнул ко мне.

Я не отступила.

Мы стояли посреди огромной кухни, которую когда-то проектировали вместе.

Вернее, я проектировала, а Артём говорил, что бюджет не ограничен.

Я помнила, как мы выбирали камень для столешницы. Как он обнял меня сзади прямо в салоне, уткнулся носом в шею и прошептал, что ему плевать на цвет кухни, если я обещаю встречать его здесь по утрам.

Я обещала.

И долго выполняла обещание одна.

— Ты уже всё решила, — тихо сказал он.

— Да.

— Не посоветовавшись со мной.

— Развод — это не покупка дивана, Артём.

— Мы семья.

Эти два слова ударили неожиданно больно.

Я отвела взгляд.

— Были.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это неправда.

Я снова посмотрела на него.

И впервые за утро увидела не раздражение.

Страх.

Он мелькнул всего на секунду, прежде чем Артём при-

вычно спрятал его за холодным выражением лица.

Мне стало тяжело дышать.

Я ненавидела себя за то, что даже сейчас хотела его утешить.

Положить ладонь ему на грудь.

Сказать, что всё будет хорошо.

Что я просто устала.

Что ещё немного потерплю.

Но я уже знала, чем заканчиваются такие обещания.

— Мне нужно собрать последние вещи, — сказала я.

— Ты никуда не поедешь.

Я медленно подняла брови.

Он сразу понял, что сказал.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Я хочу, чтобы мы поговорили.

— Мы разговариваем.

— Нормально, Марина.

Я вздохнула.

— У нас с тобой явно разные представления о нормальности.

И направилась к двери.

— Марина.

Я остановилась.

— Посмотри на меня.

Не знаю почему, но я обернулась.

Наверное, потому что за семь лет знакомства так и не научилась полностью игнорировать его голос.

Артём стоял у стола.

Красивый.

Злой.

Растерянный.

Мужчина, которого я когда-то выбрала из всех возможных мужчин на свете.

— Ты меня больше не любишь? — спросил он.

Вот этого вопроса я боялась.

Больше, чем скандала.

Больше, чем его гнева.

Потому что не знала ответа.

Я могла бы солгать.

Сказать «нет» и поставить точку.

Возможно, это было бы даже милосерднее.

Но мы слишком долго врали друг другу молчанием.

— Я не знаю, — прошептала я.

Он едва заметно вздрогнул.

И почему-то именно тогда я поняла, что всё действительно закончилось.

Не потому, что любовь исчезла.

А потому, что её больше было недостаточно.

Чемодан стоял у входной двери.

Большой.

Серый.

Неприлично практичный.

Я купила его три дня назад, и продавец-консультант пожелала мне приятного путешествия.

Я поблагодарила.

Не стала объяснять, что еду всего на другой конец города.

И что обратный билет не предусмотрен.

Артём вышел из кухни, когда я застёгивала сумку.

— Я отвезу тебя.

— Не нужно.

— Марина.

— Я вызвала такси.

Он посмотрел на чемодан.

Потом на меня.

— Ты действительно уходишь.

— Да.

— Из-за годовщины?

Я закрыла глаза.

Господи.

Дай мне сил.

— Нет, Артём.

— Тогда из-за чего?

Я подошла к нему.

Остановилась совсем близко.

От него пахло дорогим парфюмом и кофе. Знакомый запах, который ещё недавно означал дом.

Я подняла руку.

На мгновение захотелось поправить воротник его рубашки.

Привычка.

Пять лет мелких прикосновений.

Я опустила ладонь.

— Потому что ты даже сейчас думаешь, что дело в одной забытой дате.

Он смотрел на меня.

Я ждала, что он скажет что-нибудь.

Но он молчал.

И я вдруг поняла, что это тоже ответ.

За окном просигналила машина.

Я взяла чемодан.

Артём перехватил ручку.

Не мою руку.

Именно ручку чемодана.

— Я сам.

— Не надо.

— Марина, перестань спорить хотя бы из-за этого.

Я отпустила.

Он донёс чемодан до лифта.

Мы стояли рядом и смотрели, как на табло меняются цифры.

Семнадцать.

Восемнадцать.

Девятнадцать.

Наш этаж.

Двери открылись.

Артём поставил чемодан внутрь.

Я вошла следом.

Повернулась к нему.

Он стоял в дверях, придерживая створку ладонью.

— Я позвоню вечером, — сказал он.

— Не нужно.

— Нам всё равно придётся обсудить документы.

— Софья свяжется с твоим юристом.

Его взгляд потемнел.

— Ты привлекла Софью?

— Она семейный адвокат.

— Она твоя подруга.

— Одно другому не мешает.

Он выпрямился.

— Ясно.

В его голосе появилась та самая ледяная вежливость, которую я так хорошо знала.

Мне хотелось сказать, что он может злиться.

Что я понимаю.

Что мне тоже больно.

Но двери лифта начали закрываться.

И я промолчала.

За секунду до того, как они сомкнулись, Артём произнёс:

— Я не дам тебе уйти вот так.

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты уже дал, Артём.

Двери закрылись.

В такси я не плакала.

Я вообще не плакала уже несколько недель.

Слёзы закончились где-то между последней отменённой встречей с психологом и вечером, когда я поняла, что не помню, когда муж в последний раз спрашивал, как прошёл мой день.

Телефон завибрировал.

Софья: Ну что?

Я посмотрела на сообщение.

Напечатала:

Сказала.

Ответ пришёл мгновенно.

Софья: Он жив?

Я невольно улыбнулась.

Физически — да.

Софья: Тогда приезжай. Я заказала завтрак и шампанское.

Сейчас девять утра.

Софья: Именно. Для развода идеальное время.

Я убрала телефон.

За окном мелькали знакомые улицы.

Город жил своей обычной жизнью.

Люди спешили на работу, стояли в пробках, покупали кофе, ругались по телефону.

Никто не знал, что сегодня утром я разрушила собственный брак.

Или, может быть, просто наконец признала, что он давно разрушен.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу.

И вдруг вспомнила одну вещь.

Пять лет назад, после свадьбы, Артём поднял меня на руки прямо у дверей нашей первой квартиры.

Я смеялась и требовала поставить меня на пол.

Он не послушался.

— Волков, ты невозможный!

— Привыкай, жена.

— А если разведусь?

Он поцеловал меня.

Долго.

Так, что я забыла, о чём спрашивала.

А потом улыбнулся и сказал:

— Не дождёшься.

Я закрыла глаза.

Как же сильно он тогда ошибался.

Телефон снова завибрировал.

На экране высветилось сообщение от Артёма.

«Марина, нам нужно поговорить. Сегодня. Я отменил все встречи».

Я смотрела на эти слова почти минуту.

Пять лет.

Пять лет я мечтала, чтобы он однажды отменил встречи ради меня.

И вот наконец дождалась.

Только теперь это уже ничего не меняло.

Я заблокировала экран.

— Всё хорошо? — спросил водитель, взглянув на меня в зеркало.

Я посмотрела на своё отражение.

Растрёпанные волосы.

Бледное лицо.

Обручальное кольцо на пальце.

Я медленно сняла его.

Положила в маленький карман сумки.

И впервые за долгое время ответила совершенно искренне:

— Да. Кажется, теперь будет хорошо.

Глава 2. Пустая половина кровати

Артём

Я всегда считал, что самые неприятные разговоры начинаются со слов «у нас проблема».

Обычно после этого выяснялось, что подрядчик сорвал сроки, инвестор передумал или кто-то из моих сотрудников принял идиотское решение, за которое теперь придётся платить.

Но ни один человек за всю мою жизнь не произносил ничего страшнее, чем моя жена сегодня утром.

Я хочу развестись.

Четыре слова.

Семь лет вместе. Пять из них женаты. И четыре слова, после которых я стоял посреди собственной кухни и не понимал, что делать дальше.

В квартире было тихо.

Слишком тихо.

Раньше я не замечал, сколько звуков производит Марина.

Она включала музыку, когда готовила завтрак. Открывала и закрывала шкафчики. Разговаривала с кофемашиной, когда та отказывалась работать. Иногда напевала себе под нос

какую-нибудь бессмысленную мелодию.

Я постоянно просил сделать потише.

Теперь никто не пел.

На столе стояла её чашка. Белая, с маленькой трещиной возле ручки.

Я покупал ей дорогие сервизы. Привозил чашки из поездок. Однажды заказал целый набор ручной работы у какого-то известного керамиста.

Но она всё равно пользовалась этой.

Купленной в обычном магазине лет шесть назад.

Я взял чашку.

Кофе остыл.

Поставил обратно.

Телефон зазвонил.

Кирилл.

Я сбросил вызов.

Он позвонил снова.

— Что? — ответил я.

— Доброе утро и тебе, солнечный человек. Ты где?

— Дома.

— Прекрасно. А должен быть где?

— Кирилл.

— В переговорной, Артём. Через сорок минут у нас встреча с инвесторами. Помнишь таких? Люди, которые дают деньги, если мы красиво улыбаемся и не опаздываем.

— Отмени.

Пауза.

— Что?

— Все встречи на сегодня.

— Ты заболел?

Я посмотрел на пустой стул напротив.

— Марина ушла.

— Куда?

Я усмехнулся.

— От меня.

На другом конце стало тихо.

Потом Кирилл произнёс:

— Подожди. В смысле — ушла?

— В прямом.

— Поссорились?

— Она хочет развестись.

Кирилл выругался.

Я подошёл к окну.

Внизу город жил своей обычной жизнью. Машины двигались по проспекту. Люди спешили по тротуарам. Кто-то выгуливал собаку.

Моя жена где-то среди них ехала в такси.

Не домой.

От дома.

— Артём, — осторожно сказал Кирилл. — Ты сейчас серьёзно?

— Нет, решил пошутить перед встречей.

— Понял. Значит, серьёзно.

Я потёр переносицу.

— Перенеси переговоры.

— Хорошо. Только скажи, что случилось.

Я открыл рот.

И закрыл.

Потому что не знал.

Точнее, Марина почти час объясняла мне, что случилось. Но я до сих пор не мог поверить, что всё настолько плохо.

— Я забыл о годовщине, — сказал я.

— О чём?

— Сегодня пять лет, как мы поженились.

Кирилл присвистнул.

— Волков...

— Не начинай.

— Я даже не успел.

— Тогда не надо.

— Ладно. А она что?

— Сказала, что хочет развестись.

— Из-за годовщины?

Я закрыл глаза.

Вот.

Наконец-то нормальный вопрос.

Потому что я тоже не понимал, как забытая дата могла превратиться в развод.

Но в голове прозвучал голос Марины.

«Ты даже сейчас думаешь, что дело в одной забытой дате».

Я сжал телефон.

— Нет, — ответил я. — Не только.

— Тогда из-за чего?

— Она говорит, что я не уделяю ей внимания.

Кирилл молчал.

Слишком долго.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— Говори.

— Ты точно хочешь?

— Кирилл.

— Артём, я тебя люблю как брата, но ты иногда ведёшь себя как человек, который женился на собственной работе.

Я отвернулся от окна.

— Я обеспечиваю семью.

— Поздравляю. Ты отличный банкомат.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

Мне захотелось закончить разговор.

Вместо этого я спросил:

— И что мне делать?

Кирилл снова замолчал.

— Для начала не пытайся решить это деньгами.

Я посмотрел на телефон.

— С чего ты взял?

— Потому что я тебя знаю.

Через час я сидел в кабинете и смотрел на открытый календарь.

Пятое марта.

Годовщина свадьбы.

Запись была.

Конечно, была.

Красный маркер.

«Ужин с Мариной. 19:00».

Моя помощница внесла её ещё месяц назад.

Я даже помнил, как просил забронировать столик в ресторане, где мы отмечали первую годовщину.

Потом в расписании появилась встреча с инвесторами.

Потом переговоры с банком.

Потом совещание по новому объекту.

Ужин перенесли.

Сначала на двадцать один час.

Потом на завтра.

Потом...

Я открыл переписку с помощницей.

«Артём Сергеевич, по поводу ужина на годовщину: бронь сохраняем?»

Мой ответ:

«Пока отмени. Вернёмся к этому позже».

Время отправки — вчера, 18:47.

Я смотрел на сообщение.

Неужели действительно написал это?

Не подумав.

Не вспомнив.

Просто отменил.

Как очередное совещание.

Я открыл переписку с Мариной.

Последние сообщения были короткими.

«Буду поздно».

«Не жди».

«Ужинать не буду».

«В субботу работаю».

Я пролистал выше.

Неделя.

Месяц.

Три месяца.

Почти все сообщения были такими.

От неё:

«Ты сегодня во сколько?»

«Купила билеты в театр. Сможешь?»

«У меня завтра презентация проекта. Приходи, если получится».

«Может, поужинаем вместе?»

От меня:

«Поздно».

«Не получится».

«Постараюсь».

«Давай в другой раз».

Я остановился на сообщении от двенадцатого февраля.

«Артём, я записала нас к психологу на четверг. Пожалуйста, не отменяй. Мне правда важно».

Я ответил:

«Хорошо».

Через два дня:

«Марин, не успеваю. Перенеси».

Её ответ:

«Ладно».

Я прокрутил дальше.

Ещё одна отмена.

И ещё.

После третьей она больше не записывала нас.

Я откинулся в кресле.

В груди появилось неприятное ощущение.

Не боль.

Скорее давление.

Словно кто-то медленно затягивал ремень.

Я всегда думал, что у нас нормальный брак.

Не идеальный.

Но нормальный.

Мы не скандалили.

Не изменяли друг другу.

Не устраивали сцен.

У нас была большая квартира, хорошие машины, возможность путешествовать куда угодно.

Я никогда не запрещал Марине работать.

Наоборот, помог ей открыть студию.

Купил оборудование.

Нашёл бухгалтера.

Предложил вложиться в расширение.

Она отказалась.

Я тогда обиделся.

Сейчас впервые задумался почему.

В половине двенадцатого мне позвонила мать.

— Артём, привет. Ты сегодня вечером свободен?

Я посмотрел на календарь.

— Зачем?

— Хотела пригласить вас с Мариной на ужин. Всё-таки годовщина.

Я закрыл глаза.

Разумеется.

Мать помнила.

Кирилл, скорее всего, тоже помнил.

Даже моя помощница помнила.

А я...

— Не получится, — сказал я.

— Почему?

— У нас планы.

Я соврал автоматически.

Мать помолчала.

— Вы поссорились?

— Мам.

— Я просто спрашиваю.

— Всё нормально.

Ненавижу это слово.

Сегодня утром Марина произнесла его так, словно оно было оскорблением.

— Артём, — сказала мать мягче. — Ты давно с ней разговаривал?

— Мы живём вместе.

— Я не об этом.

Я сжал челюсть.

— Мам, мне сейчас неудобно.

— Хорошо. Передай Марине поздравления.

Я не ответил.

— И цветы ей купи, — добавила мать. — Не забудь.

Связь оборвалась.

Я посмотрел на телефон.

Потом открыл контакты.

Нашёл номер флористического салона.

Палец завис над экраном.

«Не пытайся решить это деньгами».

Кирилл был идиотом.

Но иногда говорил правильные вещи.

Я убрал телефон.

В спальню я вошёл впервые после её ухода.

И остановился.

Марина действительно забрала вещи.

Не все.

Только необходимые.

На туалетном столике осталось несколько флаконов духов. В ванной — кремы, косметика, заколки.

Но из шкафа исчезла половина одежды.

Я открыл дверцу.

Пустые плечики висели ровным рядом.

Странно.

За последние годы я купил ей столько платьев, что они едва помещались в гардеробной.

А теперь оказалось, что достаточно одного чемодана, чтобы уйти.

На прикроватной тумбочке лежала книга.

Я взял её.

Какой-то роман.

Между страницами — закладка с нарисованным котом.

Марина всегда читала перед сном.

Иногда смеялась.

Иногда плакала.

Однажды разбудила меня в два часа ночи, потому что герой книги оказался полным идиотом.

Я тогда сказал, что нормальные люди спят.

Она обиделась.

Я поцеловал её, притянул к себе, и мы помирились.

Когда это было?

Год назад?

Два?

Я не помнил.

В этом и заключалась проблема.

Я перестал помнить нашу жизнь.

Не события.

Не даты.

А мелочи.

Те самые, из которых она состояла.

Я сел на кровать.

Провёл ладонью по покрывалу.

С её стороны подушка лежала чуть криво.

Марина всегда спала, обнимая её.

Раньше она обнимала меня.

Я смотрел на пустую половину кровати и впервые за много лет не хотел возвращаться на работу.

В три часа дня я всё-таки позвонил Марине.

Она не ответила.

Через десять минут попробовал снова.

Безрезультатно.

Утром я уже написал ей, что отменил все встречи и хочу поговорить. Сообщение было доставлено, но ответа не последовало.

Я набрал номер Софьи.

Она ответила после третьего гудка.

— Волков.

Никогда не понимал, почему эта женщина произносит мою фамилию так, словно это диагноз.

— Софья, Марина у тебя?

— А ты как думаешь?

— Мне нужно с ней поговорить.

— Ей не нужно.

Я сжал телефон.

— Это касается нашего брака.

— Именно поэтому ей сейчас нужен покой.

— Ты её адвокат или подруга?

— Сегодня обе роли прекрасно совмещаются.

Я прошёлся по кабинету.

— Софья, я не собираюсь устраивать скандал.

— Замечательно.

— Просто скажи, что она в порядке.

На другом конце стало тихо.

Потом Софья вздохнула.

— В порядке. Насколько это возможно после того, как она ушла от мужа.

Я закрыл глаза.

— Спасибо.

— Артём.

— Что?

— Я скажу тебе одну вещь. Не как адвокат.

Я молчал.

— Марина очень долго ждала, что ты заметишь, насколько ей плохо.

Я посмотрел на окно.

— Я не знал.

— Знаю.

И почему-то в её голосе не было злости.

Только усталость.

— Вот именно поэтому она и ушла.

Связь оборвалась.

К вечеру я понял, что не ел весь день.

Омлет, который Марина приготовила утром, всё ещё стоял на кухонном столе.

Домработница приходила по вторникам и четвергам. Сегодня её не было.

Раньше я не замечал подобных вещей.

Еда появлялась.

Одежда была чистой.

В холодильнике всегда находилось то, что я люблю.

Я считал, что это просто хорошо организованный быт.

Теперь стоял перед открытым холодильником и не мог вспомнить, когда последний раз сам покупал продукты.

Я достал бутылку воды.

Закрыл дверцу.

Посмотрел на часы.

Двадцать один тридцать.

Марина обычно в это время читала в спальне.

Или работала за ноутбуком.

Иногда выходила на кухню и спрашивала, буду ли я чай.

Я всегда отвечал:

«Позже».

Позже.

Какое удобное слово.

Оно позволяло ничего не делать сейчас.

Я вернулся в спальню.

Снял часы.

Положил на тумбочку.

Разделся.

Лёг.

И впервые понял, насколько огромной может быть кровать.

Я повернулся на бок.

Посмотрел на пустую подушку.

Потом протянул руку.

Коснулся прохладной ткани.

И вдруг вспомнил, как Марина однажды сказала:

— Знаешь, что самое страшное?

Мы тогда лежали рядом. Я проверял почту.

— Что?

— Однажды ты привыкнешь, что меня нет рядом, даже когда я буду здесь.

Я не поднял головы.

Ответил что-то вроде:

— Не говори глупостей.

Теперь я лежал один.

И понимал, что она была права.

Телефон завибрировал в двадцать два сорок семь.

Я схватил его так быстро, что едва не уронил.

Не Марина.

Бабушка.

Елизавета Андреевна никогда не звонила поздно без причины.

Я ответил.

— Ба, что случилось?

— Ты дома?

— Да.

— Один?

Я нахмурился.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что Марина сегодня приезжала ко мне.

Я сел.

— Что?

— Не кричи. Я прекрасно слышу.

— Когда?

— Днём.

— Зачем?

— Попрощаться, как она выразилась.

У меня похолодело внутри.

— И что ты ей сказала?

— Что она всегда будет мне родной. Независимо от того, насколько глупым оказался мой внук.

Я закрыл глаза.

— Ба...

— Не перебивай.

Я замолчал.

— Артём, ты ведь понимаешь, что происходит?

Я посмотрел на пустую половину кровати.

— Начинаю.

— Поздновато.

— Спасибо за поддержку.

— Я не собираюсь тебя жалеть. Мне жалко Марину.

Я сжал телефон.

— Я люблю её.

Бабушка долго молчала.

Потом спросила:

— А она об этом знает?

Я открыл рот.

И не нашёл ответа.

— Вот и подумай, — сказала она.

Я провёл ладонью по лицу.

— Ба, я не хочу её терять.

— Тогда впервые в жизни попробуй не командовать, а слушать.

Я усмехнулся.

— Сегодня все решили давать мне советы.

— Значит, ситуация совсем плохая.

Она помолчала.

— Кстати, у меня есть предложение.

Я насторожился.

Бабушкины предложения редко бывали простыми.

В прошлый раз она предложила мне купить старую усадьбу, которую наша семья пыталась продать десять лет.

Теперь я занимался её реставрацией.

— Какое?

— Помнишь «Липовую аллею»?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы Марина занялась интерьерами.

Я замер.

— Что?

— У неё прекрасный вкус. И она давно заслуживает серьёзного проекта.

— Ба, мы сейчас разводимся.

— Я в курсе.

— И ты предлагаешь нам работать вместе?

— А почему нет?

Я невесело рассмеялся.

— Потому что она меня ненавидит.

— Нет, Артём. Если бы ненавидела, всё было бы намного проще.

Я замолчал.

Бабушка продолжила:

— Завтра я собираюсь предложить ей контракт. Хороший. С полной творческой свободой.

— Она откажется.

— Возможно.

— Точно откажется.

— Посмотрим.

Я встал с кровати.

— Ба, не вмешивайся.

— Я не вмешиваюсь в ваш брак. Я предлагаю работу талантливому дизайнеру.

— Ты прекрасно понимаешь, что делаешь.

— Конечно. В отличие от некоторых.

Я хотел возразить.

Но бабушка уже сказала:

— Спокойной ночи, Артём. И подумай над моими словами.

Связь оборвалась.

Я остался стоять посреди спальни.

Марина.

«Липовая аллея».

Три месяца работы.

Совместные встречи.

Общие решения.

Возможность видеть её.

Я поймал себя на мысли, что впервые за весь день почув-

ствовал что-то похожее на надежду.

А потом вспомнил её слова:

«Я больше не хочу просить».

И понял, что если бабушка действительно предложит Марине проект, я не имею права превращать его в ловушку.

Даже если это единственный шанс снова оказаться рядом.

Я посмотрел на телефон.

Открыл переписку с женой.

Напечатал:

«Я понимаю, что ты не хочешь сейчас разговаривать. Не буду звонить. Если тебе что-нибудь понадобится, я рядом».

Перечитал.

Удалил последнее предложение.

Оно звучало так, будто я всё ещё уверен, что она обязательно ко мне обратится.

Написал заново:

«Я понимаю, что тебе нужно время. Не буду больше звонить сегодня. Прости за утро».

Отправил.

Положил телефон на тумбочку.

Выключил свет.

В темноте квартира казалась чужой.

Я лежал на своей половине кровати и смотрел в потолок.

Впервые за пять лет брака я не знал, где моя жена будет спать сегодня ночью.

И впервые за очень долгое время мне было страшно.

Не из-за бизнеса.
Не из-за денег.
Не из-за того, что я могу что-то потерять.
А потому, что я наконец понял:
Марина научилась жить без меня.
И я понятия не имел, как научиться жить без неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.